

“Добрейший, умный, веселый и чрезвычайно забавный собеседник”

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

Это событие, оставившее глубокий след в истории культурной жизни Оренбургского края, всегда привлекало и продолжает привлекать внимание краеведов. Изучая исторические документы, они стараются как можно точнее воспроизвести облик Оренбурга пушкинской поры, больше узнать о быте горожан, о духовной жизни оренбургского общества и, конечно, ближе познакомиться с людьми, которых поэт встретил здесь, в конечной точке своего путешествия по местам, где за шестьдесят лет до того бушевала пугачевщина.

1833 год для оренбуржцев был богат важными событиями. Весной скоропостижно скончался всеми уважаемый и любимый военный губернатор П. П. Сухтелен, правивший недолго, но успевший сделать много полезного для города и края. На его место был назначен мало кому здесь известный В. А. Перовский, молодой генерал, отличившийся в войнах и близкий к императору. Его ждали настороженно и с опаской. Перовский прибыл летом со своей столичной “командой”, в которую

входил новоиспеченный чиновник особых поручений В. И. Даль — в прошлом морской офицер и военный врач, ставший к тому времени известным писателем и общающимся с А. С. Пушкиным. Новоприбывшим предстояло как можно скорее войти в курс дел и сблизиться с сослуживцами — оренбургскими старожилками. Среди них было немало образованных военных и штатских чиновников, которые прослужили в пограничном Оренбурге много лет и хорошо разбирались в сложных вопросах управления краем.

Вступив в должность, В. А. Перовский сразу совершил ознакомительную поездку “для обозрения некоторых частей губернии”, а В. И. Даль был с той же целью командирован им на юг, в земли уральского казачьего войска.

По возвращении Даль был несказанно обрадован: 18 сентября — “нежданный и нечаянный” — приехал Пушкин и остановился в загородном губернаторском доме у своего старого знакомого Перовского, с которым был “на ты”. Даль, как известно из его воспоминаний, постоянно сопровождал Пушкина, знакомил его с пугачевскими памятными местами и ездил с ним “в историческую Бердинскую станицу”.

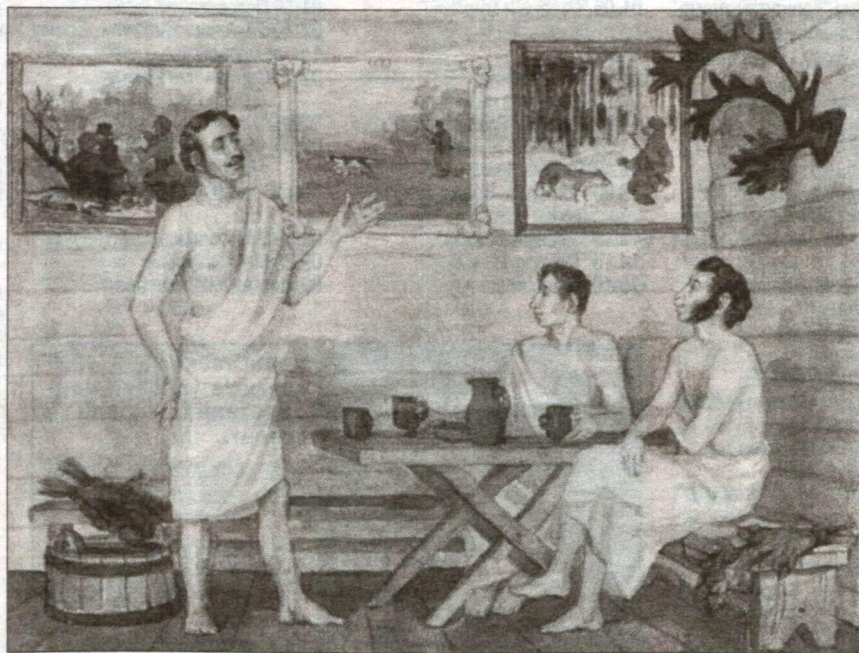
Таким образом, А. С. Пушкин общался в Оренбурге главным образом со своими столичными приятелями — В. А. Перовским и В. И. Далем. Но во время поездки у него появились и новые знакомые. О том, кто из них произвел на него наибольшее впечатление, Пушкин дал понять, переслав в 1835 году через Перовского только что вышедшую “Историю Пугачевского бунта” атаману уральского казачьего войска В. О. Покотилу и директору Неплюевского военного училища инженер-капитану К. Д. Артюхову.

Со старым оренбургским жителем Константином Демьяновичем Артюховым (1796–1842), личностью в городе весьма популярной, Пушкин познакомился в день приезда. В. И. Даль рассказывает, как с дороги свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику”, где “в предбаннике расставлены были картины охоты, любимой забавы хозяина, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрашивая Пушкина ради первого знакомства откушать пива или меду”. В последовавшей затем дружеской беседе Артюхов рассказывал и забавно описывал охоту на вальдшнепов. Эту беседу Пушкин вспомнил в записке к Перовскому, передавая с ним свою книгу “тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валленштейном или с Керарем”.

В год своего 260-летия Оренбург отмечает и другую примечательную годовщину: 170 лет назад наш город посетил А.С. Пушкин.

Александр Сергеевич Пушкин и Василий Алексеевич Перовский, конечно же, проезжали по главной улице города — Николаевской (Советской). Тогда она выглядела так: с левой стороны виден краешек дома с мезонином — это дом Тимашевых (Советская, 32), а справа — восточная сторона гостиного двора и Вознесенской церкви (она не сохранилась)

Владимир Иванович Даль познакомил поэта с директором Оренбургского Неплюевского военного училища инженер-капитаном Константином Демьяновичем Артюховым, который пригласил Пушкина в необыкновенную баню. От прекрасного хозяина-рассказчика и бани поэт получил большое удовольствие. Позже, в знак благодарности, Пушкин подарил ему экземпляр “Истории Пугачевского бунта”

Артюхов вместе с Далем сопровождал Пушкина в Берды и присутствовал при его разговоре с казачкой Бунтовой, который со слов последней описала гостившая в Оренбурге девица Воронина, встретившаяся с Бунтовой через несколько дней. Казачка говорила ей, что робела, рассказывая Пушкину о Пугачеве, но успокаивало присутствие Артюхова, по ее словам, “приятеля нашего”, который наверняка “не захотел бы ввести нас в беду”.

В. И. Даль, крепко сдружившийся с Артюховым, не раз упоминал о нем с большой симпатией. В очерке “Охота на волков” он описан как “всеми любимый записной охотник, не унывавший никогда, нигде и ни при какой невзгоде и умевший смешить всех”. В другом месте Даль сообщает, что Артюхов помогал ему в экспериментах, которые должны были подтвердить действенность гомеопатических методов лечения, и характеризует его как “человека здорового телом и душой”. Они оба принимали участие в Хивинском походе зимой 1839–1840 года и подпись Даля как свидетеля значится под духовным завещанием Артюхова, составленном 28 апреля 1841 года во время болезни, которую он получил в походе и от которой так и не оправился.

Биографию К. Д. Артюхова, долгое время остававшуюся практически неизвестной, восстановил Р. В. Овчинников, исследователь жизни и творчества Пушкина. Отметив, что имеющиеся в литературе сведения об Артюхове отрывочны, скупы и не сведены воедино, он обратился к архивным документам (формулярному списку и духовному завещанию) и на основании всех этих данных составил очерк “... И тому охотнику”, в котором осветил “примечательную во многих отношениях биографию пушкинского знакомого по Оренбургу”.

Из формулярного списка Артюхова следует, что он происходил из дворян Пензенской губернии. Обра-

зование получил в Петербурге, закончив в 1813 году 2-й кадетский корпус, и был “командирован кондуктором 2-го класса к Оренбургской инженерной команде”. В 1816 году — “по предписанию высшего начальства” — он был направлен в столицу для продолжения образования и в 1819 году закончил Главное инженерное училище, находившееся под патронажем великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I), который с 1818 года был генерал-инспектором по инженерной части. В 1820 году Артюхов вернулся в Оренбург, где продолжал служить до самой кончины в 1842 году.

В формулярном списке перечислены военно-топографические экспедиции, в которых принимал участие Артюхов, получивший “за ревностную и отличную-усердную службу в них” ордена Святой Анны 3 степени и Святого Владимира 4 степени.

В 1832 году, когда военный губернатор П. П. Сухтелен реформировал Неплюевское военное училище, К. Д. Артюхов был назначен его директором. В этой должности он оставался до 1837 года, когда вышел в отставку. В Хивинский поход он отправился “волонтером”.

Использование архивных документов, как пишет Р. В. Овчинников, позволило ему “воссоздать жизненный путь и облик пушкинского знакомого по Оренбургу, глубокого знатока степного края, неутомимого собеседника, добряка и жизнелюба Константина Демьяновича Артюхова”. Оказывается, однако, что в Государственном архиве Оренбургской области имеется немало материалов, которые не только уточняют его биографию, но показывают Артюхова в ином свете — не как весельчака и балагура, а как высокообразованного военного картографа, одного из членов Оренбургской инженерной команды, чьими трудами составлялась первая географическая карта Казахстана и Средней Азии. Эти материалы находятся в нескольких архивных делах, датированных 1820–1825 годами.

Два из них, содержащие документы “о командировании двух инженерных офицеров под прикрытием эскорта для военно-топографического обозрения киргизской степи”, касаются экспедиции, отправленной в мае 1821 года из Орской крепости в район между реками Орью, Улькойком, Кара-Тургаем и Тоболом. Эти документы показывают ошибочность утверждения Р. В. Овчинникова о том, что К. Д. Артюхов побывал в Бухаре в составе первой русской дипломатической миссии, возглавлявшейся А. Ф. Негри, которая отбыла из Оренбурга в октябре 1820 и возвратилась в мае 1821 года.

В миссию Негри, действительно, входили военные топографы (капитан Мейендорф, поручики Вольховский и Тимофеев), которые должны были дать картографическое описание пути через степи из Оренбурга в Бухару. Экспедиции же, в которой участвовал Артюхов, предстояло несколько позже решать ту же задачу, но в районе, находившемся в стороне от маршрута бухарской миссии.

Из объемистого (в 730 листов) архивного дела мы узнаем, что возглавлявший группу топографов Е. К. Мейендорф, прибыв в Оренбург в начале сентября 1820 года, предписал военному губернатору П. К. Эссену отправить эту экспедицию будущей весной с тем, чтобы каждый из двух ее участников, пройдя со своим отрядом примерно по 2400 верст, представил результаты исследований, которые должны были дополнить материалы, полученные миссией Негри. При этом Мейендорф заявил: “Я желаю, чтобы командирован был инженер-поручик Артюхов, о способностях коего, деятельности и усердии к службе я слышал самые лестные отзывы”. Вторым участником экспедиции по решению Эссена стал инженер-поручик К. М. Тафаев, также долгие годы прослуживший затем в Оренбургском инженерном корпусе.

Архивные документы рассказывают, с какими трудностями оказались связаны выполнение задания. Представляя отчет о работе экспедиции, военный губернатор свидетельствовал “о неутомимых трудах инженер-поручиков Артюхова и Тафаева”, о том, что “испытывая сильные жары минувшего лета, снося все тяготы, сопровождавшие путь их по пространствам киргиз-кайсацких степей, они благообразно преодолевали множайшие препятствия, затруднявшие успех порученного им дела, и благополучно совершили оное”.

В 1823 году К. Д. Артюхов участвовал в военной экспедиции полковника Ф. Ф. Берга, во время которой производилась топографическая съемка пространства между реками Уралом, Орью и Эмбой. Из архивного дела объемом в 530 листов мы узнаем об обстоятельствах этого нелегкого похода, в котором приняли участие и другие оренбургские военные топографы.

Таким образом, архивные документы рисуют образ К. Д. Артюхова как отважного офицера, знающего военного топографа, способного выполнять ответственные задания в самых сложных условиях. Этим, несомненно, объясняется всеобщее уважение, которым он был окружен в более поздний период жизни.

ОРЕНБУРГСКАЯ СТАРИНА